

**через
мост и
дальше.**
олег соловьев

16+

Олег Соловьёв

Через мост и дальше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36556033

SelfPub; 2018

Аннотация

Через девять лет жизни в чужом городе он понял, что согласен прожить в нем всю оставшуюся жизнь, и ничего в ней не менять. Иногда он вспоминал о прошлом, об оставленных в нем людях, которых он когда-то любил, но сожалеть уже давно перестал. Он мог бы бесконечно ходить по этим улицам и ни о чем до самой смерти не думать, но случилось так, что прошлому стало скучно быть лишь прошлым. Оно решило стать настоящим.

I

Я стою на мосту. На мосту больше никого нет. Нет, это не совсем верно. Живого – никого. Только статуи. Они стоят по обе стороны моста, друг напротив друга. Всего их 30 штук. Они стоят, со всеми своими крестами и нимбами, склонив головы в молитве. А внизу, под мостом, бесшумно, течет река. Черная. Такая же черная, как мои ботинки и даже немного чернее. Ботинки отражают свет от фонаря, река же, напротив, свет впитывает. И бежит дальше, не создавая ни единого звука, до тех пор, пока не встретится с другой рекой – светлой.

Я стою на мосту, одетый в черное пальто и черные же узкие джинсы. За спиной у меня рюкзак, а вокруг шеи обмотан объемный красный шарф. На мосту прохладно. Я иду вдоль статуй, останавливаюсь напротив большой композиции распятия. Ночью, в свете стоящих по бокам фонарей, она выглядит мрачно. Она и должна выглядеть мрачно, думаю я. Несколько минут я стою, смотрю на фигуру на кресте и спрашиваю ее, правильно ли я сделал, что пришел сюда. Фигура ожидаемо молчит. Я смотрю на нее еще раз и иду к рыцарю, который стережет реку. Ему около пятисот лет и он очень молод. Каменный мальчик. Его почти не видно в темноте реки и ночи, только меч слабо поблескивает в свете фонарей. Я задаю ему тот же вопрос и он, так же ожидаемо, на него не отвечает. Живи я пятьсот лет назад, был бы я рыцарем, думаю я, облокотившись на парапет и зажигая сигарету. Мо-

жет быть и да. Сейчас я слабо могу себе это представить. Я поворачиваюсь и иду, не смотря на статуи, обратно, в сторону башни, которая в темноте больше похожа на черное вытянутое пятно. У меня замерзли уши, и я наматываю шарф повыше, а потом тру одну ладонь о другую и несколько раз сжимаю и разжимаю кулаки. Становится теплее, но не сильно. Я останавливаюсь и опять стою на мосту. Стою на мосту и жду.

Утро началось с того, что я встал с кровати, взял книжку, которую читал вчера перед сном и пошел в ванную. Там я положил книжку на пол, сел на край ванны, закрыл глаза ладонями и начал делать цифровую гимнастику. Суть заключалась в том, чтобы рисовать глазами цифры от нуля до девяти, а потом от девяти до нуля, тем самым тренируя глазные мышцы. Потом я встал, ополоснул лицо над раковиной, вытер руки, поднял книжку, залез в ванну и включил воду. Жюльен Сорель уже влюбил в себя одну женщину и готовился влюбить вторую – уверенной поступью шел к своему концу, не произнося перед этим концом никаких исторических фраз об уникальности своей головы или экспедиции Лаперуза. Когда я читал эту книгу первый раз, Жюльен мне понравился. Своей целеустремленностью и, отчасти, искренностью. Сейчас он мне не понравился. Своим лицемерием и тщеславием. И отсутствием уважения к кому-нибудь, кроме себя. Читать эту книгу второй раз я стал просто так.

Потому что возникло мгновенное желание. Короткая такая вспышка, без особых причин, но которая, тем не менее, породила навязчивое и неотступающее желание прочитать эту книгу именно сейчас. И я прочитал. Вылез из ванны, вытерся, пошел в комнату и поставил Стендаля на полку. Но особо глубоко задвигать не стал.

Потом я сидел на кухне и смотрел в стену, пока на плите кипятилась вода для чая. По утрам я никогда не мог съесть много и обычно это “немного” ограничивалось чаем и, может быть, парой яблок. Сегодня яблок у меня не нашлось, нашелся только чай – на доньшке жестяной банки, буквально на одну кружку. Я сидел, смотрел в стену и думал, что надо бы как-то ее оживить. Сложная задача оживить что-то неживое, но вид голой стены по утрам стал меня угнетать. Вкупе с пустым чаем, чаем “с таким”, как я говорил в детстве, картина была очень печальная и пустая. На стене не было ничего, только ввинченный мною когда-то шуруп, который я ввинтил, чтобы повесить картину. Впрочем, картина на нем уже давно не висела, настолько давно, что я почти забыл, что на ней было изображено. Помню только, что она была нарисована мелками и очень сильно мне нравилась. Так сильно, что я в свое время потратил свое время, чтобы повесить ее на стену.

Почему-то на ум приходили полки. Хорошие полки смотрятся на любой стене, даже на той, которую я изучаю почти каждое утро, пока заваривается чай. Мысленно я перебирал

все типы полок, которые когда-либо видел, но ничего выдающегося не находил. Разве что только те, волнистые, которые висели в чьей-то комнате давным-давно, когда в моей стене еще не было никакого шурупа, но разве же это для моей кухни? Не устраивать же на кухне библиотеку, как-то это пожароопасно. Я решил, что полками можно заняться в другой день, когда будут яблоки и что-то более осязаемое к чаю, нежели праздные мысли. Надо было выходить на улицу, хотя бы потому, что из всех возможных видов смерти, которые я себе представлял, смерть от голода смотрелась лишь слегка выигрышней, чем смерть похороненного заживо человека.

Погода на улице была славная. Пару недель назад еще лежал снег, а сейчас от него осталось лишь воспоминание, причем, такое, к которому не очень-то хочется возвращаться. Правда, снег, по своему обыкновению, как раз любит возвращаться, но пока было просто чудесно – тепло и солнечно. Я надел неглаженную футболку с длинным рукавом и старенькие, на редкость прочные, джинсы, накинул пальто, пренебрег шарфом и вышел из дома. Как только я вышел, я сразу забыл, что дома нечего есть и решил просто походить по улицам и порадоваться внушающей надежды на будущее погоде. По этим улицам, пусть и в разных городах, я ходил всю свою жизнь, сначала неуверенно и любознательно с родителями, затем опрометчиво и горделиво с приятелями и любовями, а потом, уверенно и настороженно, один. Сложно сказать, как мне нравилось больше всего. Иногда – одному, иногда – с

кем-то. Зачастую мне нравилось одному, когда я был с кем-то. И наоборот. Если долго ходить по улицам, устают ноги и спина. У меня всегда устает спина, когда я хожу и гораздо реже ноги. Зная это, я постепенно выработал некий метод прогулок – в смысле времени, а не маршрута. Я стараюсь не ходить больше двух часов без перерыва, да и вообще, не находиться на ногах такое продолжительное время. Ровно так же я стараюсь не сидеть больше двух часов – мне почему-то кажется, что это, своего рода, граница, за которую опасно заходить. Через два часа ходьбы я захожу в кафе пообедать, либо выпить пива или кофе, а если мне приходится сидеть, скажем, шесть часов, за это время я отжимаюсь девяносто раз или просто периодически разминаю ноги.

Я довольно давно жил в этом городе, чтобы он успел мне надоесть, но он почему-то все не надоедал. Раньше я жил в другом, но это было давно, настолько, что придется считать, чтобы сказать точно. Я не очень люблю все эти истории в духе Дэвида Копперфильда, хотя, возможно, кому-то интересно узнать прежде всего именно это. Где я родился, как прошло мое дурацкое детство и все прочее. Я не очень люблю думать об этом. Вполне хватает того, что я родился и сейчас веду мою так называемую жизнь. Когда-то она была жизнью, с большой буквы, с надеждами, целями и планами, или, по крайней мере, казалась такой. Но, поскольку по истечении нужного количества времени ложь становится правдой, а правда – ложью, все это куда-то потерялось.

Как будто летишь на воздушном шаре и приходится сбрасывать за борт лишнее, чтобы продолжать жить. И сначала выкидываешь свои планы на ближайшие пару лет, потом все остальное, пока не останутся только мечты, которые тоже рано или поздно выкидываешь. Потому что подсознательную тягу к жизни выкинуть нельзя. Я никогда не летал на воздушном шаре. Вполне вероятно, что ситуация, когда приходится скидывать что-то за борт, вовсе необязательна. Скорее даже, такая ситуация называлась бы внештатной, вызванной либо ошибкой при проектировании этого шара, либо какой-то внезапной поломкой. Я не могу быть уверен полностью, я никогда не летал на воздушном шаре и никогда не уделял этому средству передвижения того внимания, которое оно заслуживает.

Я ходил всего с полчаса, но, непредвиденная голодовка вместе с не очень веселыми мыслями, наполнявшими мою голову, дали о себе знать. К тому же я как раз был рядом с хорошим кафе – одним из немногих неподалеку от моего дома, где мне нравилось проводить время. Когда я пришел туда в первый раз, я попросил какой-то завтрак и, пока мне его готовили, закурил и стал рассматривать зал, думая о чем-то своем. В зале был один мужчина, в возрасте, но выглядевший настолько солидно, что его легко можно было принять за дона мафии на пенсии, если бы они выходили на пенсию. У него были седые волосы, собранные в небольшой хвост, аккуратная борода и правильный нос. И он ку-

рил трубку. Точнее, в тот момент, когда я увидел его в первый раз, он ее чистил. Потом забил табаком, зажег и закурил. Мне стало немного неловко с моей сигаретой, но я решил, что не выгляжу для трубки так же хорошо, как он. В это время мне как раз принесли мой завтрак, и я перестал смотреть на постаревшего Майкла Имперіоли. Но в тот момент, когда я поднял голову, в зале было уже два мафиози, курящих трубки. Я подивился, и стал периодически завтракать в этом кафе, но такой ситуации больше не повторилось. Сегодня ее не повторилось тоже. Ведь любой момент уникален и неповторим.

Я съел омлет, выпил кофе, выкурил две сигареты и снова вышел на улицу. У меня было очень мало знакомых в этом городе, хоть я и жил тут какое-то время. Никогда не старался обрасти новыми знакомствами. Чем их больше, тем тяжелее ходить. Всегда есть вероятность встретить кого-то, а я так не любил встречать кого-то, кого не хотел встречать. Тех, кого я встретить хотел, я никогда не встречал, поэтому не знал, насколько эти встречи приятны, если приятны вообще. Когда-то у меня было довольно много знакомств, я порой сам удивлялся, насколько же их много. Я бы не отважился назвать себя интересным или очень общительным человеком, наоборот, я скорее всегда был угрюмым и задумчивым, но знакомства откуда-то появлялись. Некоторые становились чем-то большим, чем просто знакомства, некоторые знакомые становились моими друзьями, но ни одно из них

не дожило до того момента, как я вышел на улицу из кафе, в котором только что позавтракал.

На улице жизнь шла своим чередом. Было около двух часов дня и люди, по одному или группами, выходили из своих офисов и шли куда-нибудь пообедать. Мне обедать было еще рано, и я пошел в небольшой парк поблизости, дошел до пруда и присел на лавочку на берегу. В пруду плавали утки. Я периодически приходил сюда и кормил их хлебом, но в этот раз забыл его купить. Вряд ли утки меня запомнили, но когда я сел, они подплыли именно к моей лавочке, будто ожидая, что я их покормлю. Я лишь развел руками и зажег сигарету. Пруд был маленький и замерзал зимой, а утки перелетали в другой парк неподалеку, где вода по какой-то причине не замерзала. Я это выяснил экспериментальным путем и, по большому счету, волей случая. В детстве вопрос с утками волновал меня несколько больше, я постоянно спрашивал папу, когда мы гуляли зимой по парку, куда же они деваются. Он отвечал, что улетают туда, где тепло, и я принимал это как истину. Потому что именно она это и была. А весной, когда вода оттаивала, мы с ним брали хлеб и шли на пруд, я кидал кусочками хлеба в уток и очень радовался, когда попадал в одну из них. Сейчас я не радовался, я кидал сразу много кусков, чтобы досталось всем и им не пришлось драться друг с другом. Но всем никогда не доставалось.

На расстоянии нескольких метров от моей стояла еще одна лавочка. На нее сел мужчина в костюме, очевидно, вы-

шедший на обеденный перерыв в уединенное место. В руках у него был бумажный пакет, откуда он достал сэндвич и принялся его есть, периодически отщипывая небольшие кусочки и кидая их в пруд. Утки обрадовались и дружно поплыли к его лавке. Я закурил еще одну сигарету, встал и пошел по дорожке, прочь от пруда. У меня всегда чего-то не было. И всегда от меня уплывали туда, где это что-то было.

На мосту все так же тихо и никого нет. Я все еще здесь, стою и смотрю, как течет река. На нее можно долго смотреть, за все эти часы ожидания я прекрасно это заметил. Можно смотреть на реку и удивляться тому, что, сколько бы ни прошло времени, ничего не изменится, и она будет течь так же, как текла час, день или год назад. Можно долго смотреть на реку. Особенно, когда больше нечего делать. Статуи по бокам моста как будто задают мне немой вопрос. Зачем я здесь стою уже столько времени. Я не могу его услышать, но я ощущаю его всем телом. Их каменные глаза, вырезанные много лет назад мастерами, имен которых я не знаю, смотрят на меня и заставляют нервничать. Потому что я не знаю ответа на этот вопрос.

Раньше, чтобы пройти через мост требовалось уплатить крейцер сборщику пошлины. Рассказывают, что один из таких сборщиков отличался настолько рьяным исполнением служебных обязанностей, что стоило только высунуть кончик носа за условную черту, обозначенную его рукой, он сразу же махал дежурному полицейскому, и тот уводил прови-

нившегося в участок. Но однажды на посту не оказалось полицейского и сборщику пошлины пришлось самостоятельно преследовать наглеца, не пожелавшего заплатить за проход по мосту. Он гонялся за ним по всему городу и в итоге настиг – на середине реки, на которую я так долго смотрел. Через три дня их выловили и с тех пор, как говорят, из воды иногда доносится требование об уплате крейцера.

Несмотря на то, что на мосту я провел уже довольно много времени, никакого требования из воды до сих пор не доносилось. На него бы я нашелся что ответить.

У каждого из нас есть воображаемая жена. С которой он живет в уютной квартире и порой, вечерами, танцует под хрустящий звук старенького винилового проигрывателя. У некоторых из нас есть женщина, с которой он не может общаться, но пишет ей письма и складывает в ящик письменного стола, создавая тем самым иллюзию этого общения. В письмах он говорит о чем угодно, кроме своей любви к ней. Потому что таковы правила подобной переписки. Нельзя говорить про свою любовь с человеком, который не хочет этой любви. Пусть даже в письмах, которые постепенно превращаются в стопку исписанной бумаги в ящике стола.

Я уже достаточно долго жил на этом свете. У меня была и та и та.

Писем в моем столе скопилось много, и одно время я хотел немного их отредактировать и издать книгу. Книгу пи-

сем. Потом можно было бы отправить ее по почте, так сказать, доставить все письма сразу. Но я не сделал ни первого ни, соответственно, второго. Просто в один день вытащил их и, сидя на кухне, сжег одно за другим в пепельнице. Каждое письмо писалось в момент, когда я чувствовал, что очень сильно, до боли внутри туловища, по ней тоскую. И после написания каждого письма становилось легче. Как будто поговорил с ней на самом деле. После того, как я все их сжег, стало еще легче. Как будто сжег свою тоску. А может просто понял бесполезность переживаний. Прошло время и все встало на свои места, так, как всегда и бывает. Я сидел на кухне и жег письма в пепельнице, а она делала что-то другое. Возможно, сидела на своей кухне и жгла свои письма ко мне. Но это слишком красивое предположение.

Воображаемых жен у меня было несколько. Строго говоря, каждая понравившаяся мне девушка через пару встреч становилась моей воображаемой женой. Не в том смысле, что я всерьез раздумывал на ней жениться, а в том смысле, что я воображал, как бы было, если бы она была моей женой. Возможно, именно из-за этих воображений ни одна из них и не стала моей реальной женой. Не знаю. Я просто старался рассмотреть все варианты. Слишком много рассматривал и прикидывал и, в итоге, потом рассматривал и прикидывал заново. И еще раз. Пока не понял, что нечего тут рассматривать. Точнее, уже некого.

Я снова сидел на кухне, ждал, пока закипит вода на пли-

те, и смотрел на шуруп. На сей раз у меня был полный холодильник еды, я основательно подготовился к размышлениям по поводу предназначения этого шурупа. Только размышлял почему-то совсем о другом. Периодически подобные мысли у меня появлялись, мысли о том, как могла бы устроиться моя жизнь, повернись что-то когда-то иначе. Я любил пофантазировать, но никогда не сожалел. Начнешь сожалеть и не закончишь до самой смерти. И все равно ничего не изменится. Вот с шурупом дело другое, здесь можно и сожалеть спокойно, и все может поменяться. Только я, как ни думал, не знал, что мне с этим шурупом сделать. Спросил совета у двенадцати месяцев и у кораблей в море. Первые сказали, что его надо вытащить, а вторые – что надо повесить на него картину с кораблями в море. Оба варианта мне не понравились и я спросил у ветра в листве, но разобрать его ответ у меня не получилось. Оставалось спросить только у непостижимого создателя жизни, но я не стал. Потому что обычно он не дает ответа даже на более важные вопросы. Что поделать. Советчиков у меня было немного. Шуруп остался на своем месте, как напоминание о том, что мне всегда есть, о чем подумать.

Будь у меня жена, хоть бы и воображаемая, я бы спросил у нее. И она бы ответила. Она бы всегда знала, что ответить на мои вопросы, пусть и самые нелепые. Но спрашивать ее было так же бессмысленно, как и, например, ночную звезду – обе были недостижимы и безмолвны.

Вода закипела, я встал, снял чайник с плиты и залил пакетик черного чая кипятком. По-хорошему, конечно, стоило подождать несколько минут, чтобы вода немного остыла и потом уже заваривать, но я никогда этого не делал. Дело было, пожалуй, в нетерпении – если передо мной стоит чашка с лежащим внутри пакетиком и чайник с кипятком, то я ничего не могу с собой поделаться и совмещаю эти две вещи единственным возможным способом. Точно также, как если бы мне дали в руку, скажем, кусок шоколада и сказали, чтобы я подождал десять минут, а потом съел бы его с чаем. Я бы не смог дожидаться чая и съел бы этот шоколад сразу же. А потом бы уже чай пил без шоколада или чего-то еще.

Пока чай заваривался, я дошел до книжного шкафа и выбрал себе книгу из имеющихся. Я уже давно почти не читал новых книг, а просто подходил к шкафу и наугад брал какую-нибудь из тех, что там стояли. Я уже читал их все, но не видел ничего плохого в том, чтобы освежить ту или иную в памяти. На сей раз мне выпала “Ночь в Лиссабоне”, которую я прочитал больше десяти лет назад и которая была, пожалуй, единственной из всех книг Ремарка, которая мне понравилась почти полностью. Не знаю, уж, чем. Возможно, самой идеей – ночью, за которую можно рассказать всю свою одинаково счастливую и несчастную жизнь первому попавшемуся собеседнику. Было в этой идее что-то близкое мне. Что уж там, я и сам иногда хотел бы провести одну из своих ночей так. Только не мог понять, было ли в моей жизни что-

нибудь, о чем можно было бы рассказывать целую ночь. Скорее, не было. И уж тем более, мне было бы нечего предложить своему собеседнику, никакого спасения или, хотя бы, иллюзии спасения. Какое тут спасение.

Я сидел на кухне, читал Ремарка, пил чай и тут кто-то позвонил в дверь. Время было десять утра. Я понятия не имел, кто может позвонить в мою дверь в десять часов утра. Наверное, на этом свете есть люди, которые ждут гостей в такое время. Я не ждал. На самом деле, я вообще не ждал гостей. Ни в десять часов утра, ни в десять вечера. Просто потому, что приходить ко мне в гости было некому, хоть я и считал себя достаточно гостеприимным.

Я встал и пошел открывать дверь. Все-таки событие выдающееся, в рамках моей маленькой вселенной. На пороге стояла женщина. Я удивился еще больше, потом присмотрелся, узнал ее и удивился опять, уже грандиозно, хотя, казалось бы, куда уж больше.

– Привет, я, наверное, неожиданно...

– Привет, самую малость. Заходи.

Она зашла. Вещей у нее не было, только сумочка и зонт. Длинный, как трость.

– Ты откуда?

– К тебе приехала.

Ответ немного не на тот вопрос, но я и сам часто давал подобные ответы.

– А как нашла меня?

– Ты же мне сам адрес давал. Давно уже, я еще думала, что ты переехал, и я зря по ступенькам поднималась.

– Да не так их вроде и много. Тридцать четыре. Или тридцать три, смотря, как считать.

Да, когда-то я дал ей свой адрес. Когда уезжал, лет десять назад. Но я и представить не мог, что она придет. Тем более через такое долгое время. Одна из моих воображаемых жен, которая когда-то канула в Лету, как и все остальные. В человеческую Лету, в которой рано или поздно исчезают все мои знакомые, и из которой они иногда появляются, как следует напившись воды.

– Ты как, надолго, или проведать просто? Чая хочешь?

– Да, давай. Я по работе приехала на несколько дней, завтра уезжаю. Сегодня просто день свободный получился, вот и подумала, что надо проверить, здесь ты или нет.

Я не знал, что на это отвечать.

– Слушай, у меня тут шуруп на стене. Я совсем не знаю, что с ним делать, может, ты подскажешь?

– Шуруп?

– Ну да, вот он, смотри. У меня просто вообще никаких идей, думаю, думаю и ничего.

– Повесь на него часы. Или гитару. Или маску какую-нибудь венецианскую.

– Интересно. Но у меня ничего такого нет. Даже часов, что уж тут про маски говорить.

– Ну так найди что-нибудь. Купи. Если тебя так этот шу-

руп волнуется, что это первое, о чем ты меня спросил.

– Я просто подумал, что у тебя свежий взгляд и ты при-
думаешь что-нибудь сходу, что ты, собственно, и сделала. Я
просто не знаю, что спрашивать. Ты неожиданно, все мысли
сбились.

Она улыбнулась.

– Приятно, что я еще могу делать так, чтобы твои мысли
сбивались. Как ты?

– Я? Да ничего. Встаю по утрам и читаю старые книги.
Уток кормлю иногда. Иногда пью вино и слушаю Бранден-
бургские концерты. Но, в основном, не занимаюсь ничем по-
лезным и просто чего-то жду. Знаешь, почти как нового года
в детстве. Если очень ждать, то быстрее наступит. Но я-то
уже подросток и понял, что как сильно ни жди, все наступит в
нужное время.

– А чего ждешь?

– Не знаю. Чего-то. Что все поменяет.

– То есть тебе не нравится кормить уток и читать Ремар-
ка?

– Не знаю, что из этого лучше. Иногда лучше утки, а ино-
гда – Ремарк. Как ты?

Она явно ждала этого вопроса, но отвечать развернуто,
очевидно, не хотела.

– Все хорошо.

– Ну и хорошо. Замуж вышла?

– Вышла. Три года уже, почти четыре.

– Здорово, поздравляю. А я не женился.

– Даже в своем воображении?

Я усмехнулся.

– В моем воображении я и на тебе женился.

– Я знаю. Рановато только. Кто же женится на девушке поцеловав ее всего три раза.

– Кто-то женится на девушке и целует ее первый раз только на свадьбе.

– Ага, как у Пукирева на картине. Ты в каком веке живешь?

– В том же, что и ты. Мы же в метре друг от друга, что за вопросы, да и мертвых невест тут, вроде, нет никаких.

– Мы-то может и в метре, но ты как будто на пару веков старше. Кто ходит кормить уток в, сколько тебе там, тридцать с чем-то лет?

– А ты знаешь, куда утки деваются зимой, когда замерзает пруд?

– Ну началось.

– Перелетают в незамерзающий.

– Да ты что, Холден Колфилд подрос и узнал ответ на вопрос своей юности.

– Осталось только понять, что делать с шурупом. Еще немного подрасти.

Когда-то мне было с ней безмерно хорошо, а сейчас она сидела тут и пыталась меня раздражать, только ничего не выходило. Я и сам знаю, что никто не кормит уток в моем воз-

расте. Уток кормят либо до двадцати, либо после пятидесяти. Я, видимо, был исключением. Либо просто состарился, толком не успев повзростеть.

– У тебя на день-то какие планы вообще?

– Не знаю, никаких. Думала, ты мне придумаешь планы, но у тебя у самого-то планов никаких нет.

– Ну, нет и нет, не вижу в этом ничего удивительного, или плохого.

– Я вот в этом настолько не уверена, но тебя я иначе представляла. Не спрашивай, просто иначе. А ты как не знаю кто.

– Большие ожидания чреватые еще большими разочарованиями. Ты голодная?

– Немного.

– Давай тогда прогуляемся, потом где-нибудь пообедаем. Расскажешь мне новости какие-то, наверняка же есть, что рассказать. А я буду иногда комментировать и шутить. Иногда даже смешно.

Она согласилась. Мы ходили с ней пару часов, потом зашли в кафе на одной из площадей и сели у окна. Я тут иногда бывал, выбирал из меню что-нибудь наугад и выпивал кружку или две пива.

– Сейчас же два часа дня. Рано пить пиво, нет?

– А разве есть какое-то определенное время, до которого пить пиво никак нельзя, а после – можно? Если оно и есть, я его игнорирую, у меня сегодня выходной. И вчера, и завтра тоже. У меня тут все один длинный выходной.

– А ты чем вообще занимаешься?

– Сейчас – ничем. Работал почти все время, как здесь живу, преподавал, переводами занимался. Какое-то время даже продавал всякое медицинское оборудование, но все это в итоге надоело. Писал. Почти написал книгу, около двухсот страниц, сколько-то рассказов, публиковался в журналах разных. Может, снова начну когда-нибудь. Но пока просто не хочется.

– И как, нормально ничего не делать?

– Более-менее. Бывает же так, что человек просто устал от всего и ему нужно время, чтобы снова найти интерес и занятия. Пока это время не прошло, вот я и пью пиво тогда, когда мне хочется. Везде есть свои плюсы.

Она много мне рассказала. Про себя, про то, как ей в целом хорошо живется замужем. Не могу сказать, что я ей поверил, но вид сделал. Про наших общих знакомых, кто как живет. Все жили по-разному, но почти у всех дела шли хорошо. Сказала, что я, наверное, единственный из всех, кто куда-то уехал и теперь сидит тут в одиночестве и делает вид, что и у него все в порядке. Я ответил, что это философский подход и что все в порядке никогда не бывает, какой бы вид не делать. Она только поджала губы.

– Знаешь, когда-то, в один день, я пришел домой, и у меня было настолько внутри пусто и настолько не хотелось что-то делать, казалось, что смысла нет абсолютно ни в чем. Я пришел, лег на кровать и, не помню, включал ли я какую-то

музыку, – сейчас мне кажется, что да, но это не так важно, – лежал, и смотрел в потолок. И думал, почему все так. Ведь я всего-то хотел в жизни немного любви от тех людей, от которых мне это было нужно. И тогда бы не было ни боли, ни пустоты. Был бы смысл в моем существовании. Всякие глупости думал, в общем. И пока думал, заснул. А потом настал новый день и после него пошли другие. И сейчас вот я сижу с тобой в этом кафе, а ты не понимаешь, что со мной. А со мной все нормально. Просто нормально, не хорошо, не прекрасно, а просто нормально. И все есть так, как должно быть, и будет тоже так, как должно. Вот и все. Книга такая была, про то, как перестать беспокоиться. Я ее не читал, кстати, меня всегда пугали книги с такими названиями.

– Но только там еще вторая часть названия была. Ты начал жить, хоть когда-то начинал?

– Разве что, когда с тобой обручен был, дорогая моя.

Она засмеялась. Всегда-то она смеялась, когда я так говорил. Наверное, не верила.

Сны такие непостоянные. Разнообразные и непостоянные. Я никогда не стремился их запоминать. Но иногда они запоминаются и без моего старания. Тогда я прикладываю немного усилий, чтобы забыть то, что запомнилось самостоятельно. Мои сны почти все похожие. Точнее, более правильно называть это сновидениями. В чем разница я понял в тот самый момент, когда задумался о словообразовании, но никаких поправок в свою речь не внес. Почти в каждом моем

сне много людей. Все – мои знакомые, но очень часто состав людей такой, каким он просто не может быть в сознательной жизни. Утром я просыпаюсь и думаю, почему они все были вместе. Явно же не во мне дело. Я никогда не любил быть человеком, который соединяет разные компании. Я наоборот их разъединял. То есть, просто не прикладывал никаких усилий к объединению. Во снах же они все были вместе, как будто давно знали друг друга. Что-то делали. Я не помню, что. От всех моих снов у меня осталось только само это чувство недоумения. Дескать, как же так. Просыпался утром и, пока мылся в ванной, думал. А потом выходил и забывал. Смывал с себя бессознательное до следующей ночи. А в следующую ночь снова нырял туда, где темно, тепло и ничего не раздражает и утром снова просыпался в недоумении.

Так было когда-то давно.

Сейчас сновидения мой сон не оберегали. Он просто как-то вдруг появился и сразу стал крепким, не нуждающимся в чьей-то поддержке и опеке. Я просто ложился в кровать и засыпал. Почти сразу. Когда-то мне мешали мысли, дневные события, которые я еще толком не успел переварить и из-за которых не успел понервничать как следует. Сейчас мне ничего не мешало. Я даже ложиться стал относительно рано и почти всегда – в одно время. И просыпаться, соответственно, тоже.

Вещих же снов я не видел никогда. Или видел, но не замечал, что они сбылись. Сегодня все совпало.

Вчера после кафе мы с ней походили еще какое-то время, потом она сказала, что ей надо покинуть меня на пару часов, но позже она придет в гости. Видимо, планы все-таки были. Я не возражал. Пусть приходит. Дошел до продуктового магазина, купил там бутылку вина, белого хлеба и пошел на свою лавочку у пруда. Вина я взял себе, батон – уткам. Утки, я полагаю, пьют только то, в чем плавают. А прудов из вина мне встречать не доводилось. Думаю, в них бы плавали далеко не утки.

Хлеб закончился гораздо быстрее, чем вино. Утки, очевидно, были голодные, а я никогда не торопился, когда пил вино. К тому же, торопиться было совершенно некуда. Сидел и думал, как странно она приехала, эта странная женщина, которую я когда-то странно представлял своей женой. Никакой ностальгии не было, мне даже, в сущности-то, было все равно, придет она ко мне после своих дел, или нет. Но по пути домой купил еще вина. Три бутылки.

Когда она пришла, я спросил, хочет ли она есть. Она ответила, что только что поужинала. Тогда я предложил ей вина. Она немного подумала, потом сказала:

– Завтра вечером я уезжаю, и ты вряд ли когда-то еще меня увидишь. Ты точно хочешь пить со мной вино?

– Пить с тобой вино это еще не значит проводить с тобой ночь под одним одеялом. В конце концов, у меня есть второе.

Она засмеялась, но как-то совершенно ожидаемо.

– Почему ты уехал? Мне всегда было интересно.

– Потому что не хотел больше жить там, где жил. Все максимально просто.

– Но почему? Ведь там остались твои близкие. Твоя семья, в конце концов.

– Да. Но жить там я, тем не менее, больше не хотел. Бывает же, что люди понимают, что совершенно чего-то не хотят. И понимаю это не только я, а каждый из нас. И ты тоже.

– Это похоже на упрек.

– Все упреки, которые не стоило говорить, я тебе уже когда-то сказал.

– А которые стоило?

– Нет упреков, которые стоит говорить.

– Все-то ты умничаешь.

Я не старался специально. Возможно, иногда выходило само собой.

Мы почти все допили, когда она спросила:

– И вот уехал ты, и тебе тут хорошо? Поменялось что-нибудь?

– Поменялось, конечно. Все вокруг поменялось. На первые пару месяцев. Потом все стало привычным. Кто-то из наших знаменитых эмигрантов говорил, что, уезжая, мы не меняем ни язык, культуру, географию или собственную природу, а одни печали на другие.

– Какие у тебя печали?

– Ну да, я тебе сейчас расскажу, а потом ты положишь мою сломанную голову на свои всеисцеляющие колени, что

бьются, будто сердце, и мои печали на время умрут. Пойдем спать, такие разговоры меня немножко утомляют.

Я взял второе одеяло и лег на диван в комнате, которая не была спальней. И заснул, как только лег.

Ночью мне приснилось, что я вытащил ее из воды. Из реки, если быть точным. Я шел ночью по набережной и услышал всплеск, который вызывает падение достаточно тяжелого тела в воду с определенной высоты. Кто-то спрыгнул с моста. Поскольку звали меня не Жан Батист, я не убежал, успокаивая свою совесть, а спрыгнул следом за этим кем-то. Когда я вытащил его из воды, это оказалась она.

Сны вообще не отличаются последовательностью и проработкой всех мельчайших деталей. Потому что потом я увидел письмо, которое держал в своей руке. Там было что-то написано, но запомнил я только три слова. “Ненависть старше любви”.

Следующее, что я увидел, это как она садится в поезд на вокзале, а я ее провожаю. Двери закрываются, она машет мне с улыбкой на лице, а я стою на платформе и держу руки в карманах. Будто в каком-то старом кино.

Утром я проснулся, удивился, почему я сплю на диване, а потом уже удивился тому, что видел сон. Потом я встал, вышел на кухню, по традиции посмотрел на шуруп, а потом увидел на столе лист бумаги. На нем было написано:

“Доброе утро!

Прости, что я ухожу, пока ты еще спишь, но так надо, а

подробности очень долго описывать.

Спасибо, что оказался здесь, и встретил меня с лишь умеренным раздражением вместо вселенского. Ненависть старше любви, мы оба это знаем и ничего с этим не сделаешь.

Я еще зайду перед тем, как уеду. Часа через два, скорее всего.

А еще, я не успела выпить сегодня кофе. Сделай мне...”

Я прочел письмо три раза, но плохо мне стало уже после первого. Письмо было по-настоящему страшным. Самое страшное было то, что я совершенно не знал, как и где ее искать. Она не оставила никаких координат, не сказала, куда идет. Даже гостиницу, в которой остановилась, не назвала. Я принялся было высчитывать, во сколько она ушла, и как скоро пройдут эти ужасные два часа, но дело это было заведомо бесполезное. Потом я схватил какую-то одежду, натянул ее на себя и побежал к реке. Может быть, мне повезет, и я чудесным образом успею, думал я, совершенно не понимая, что даже не знаю, куда именно успевать.

Когда-то, когда я был меньше, а фантазии во мне было больше, я иногда представлял, что бы со мной было, если кто-то из моих близких внезапно и непоправимо умрет. Несмотря на все кажущееся буйство фантазии, направленное, в основном, на то, чтобы просто представить такое развитие событий, я не мог придумать почти ничего, кроме того, что мне будет очень плохо. И того, что, скорее всего, я стал бы плакать. Безутешно. Порой, во сне, я видел себя в

подобной ситуации, но даже во сне все было настолько пошлым и предсказуемым, как будто я пользовался всем известным набором штампов. Как-то раз моя подруга, самая первая из тех, кого я в своем воображении соединил с собой нерушимыми узами, которые на деле весьма буднично разрушились, на полном серьезе спросила меня, что бы я стал делать, если она внезапно умрет. И я не знал, что на это можно ответить. Поэтому промолчал. А она решила, что я недостаточно сильно ей дорожу, раз не могу ответить на такой банальный вопрос. Возможно, она хотела услышать какие-то совсем простые слова, но простые слова почти никогда не умели приходить в мою голову тогда, когда они были нужны.

На самом же деле я не знал ответа на этот вопрос всего лишь потому, что никогда не был в подобной ситуации.

Поэтому ощутив себя стоящим на мосту и смотрящим в воду в окружении незнакомых людей, которые что-то громко говорили и что-то суматошно делали, я не знал, что надо делать мне. Я просто замер и смотрел в воду, а на ней расходились круги. Потом меня кто-то толкнул, и я повернул в голову в сторону всеобщего внимания. На берегу реки, там, где к воде спускаются две линии ступенек, человек вытаскивал из воды другого человека. Очевидно, он спрыгнул в воду по необходимости, в отличие от первого, сделавшего это по своей воле. И так же очевидно, что круги, на которые я так заморожено смотрел, появились именно вследствие падения, добровольного или спасательно-необходимого, в воду одно-

го, а затем и другого тела.

Я присмотрелся. Первый человек был мужчиной. У второго были длинные волосы. Я побежал, через мост, натываясь на людей и расталкивая их, побежал к тому месту, где было два мокрых человека в верхней одежде.

Второй человек оказался женщиной. Но не той, которая невольно заставила меня так сильно нервничать и так много бегать. Другой. Со своими причинами прыгать в воду на глазах у всего города. Ее спасатель, видимо, так же имел свои причины вытаскивать ее из воды на тех же самых глазах. Они были настолько поглощены друг другом, что меня не заметили, а я был настолько опустошен, что не стал привлекать к себе внимания, а поднялся по одной из лестниц и сел на верхнюю ступеньку. В моей голове вертелось множество слов, но из всех возможных фраз, в которые они могли сложиться, сложились они в самую, пожалуй, простую. Хорошо, что это была не она.

Почему я вообще стал так сильно переживать, подумал я. Почему я решил, что она обязательно погибнет сегодня? Не может же это быть из-за сна и приписки про кофе. Я никогда не был настолько впечатлительным, а тут прочитал обычную записку, которую кто угодно мог оставить кому угодно, всполошился настолько, что забыл надеть носки, и побежал через весь город к реке, чтобы посмотреть, а не прыгает ли она где-то с моста. И почему именно с моста? И почему я вообще стал переживать за нее? Она пообещала вернуться

через два часа, которые почти наверняка уже прошли, а значит, я ее вряд ли когда-то еще увижу. И все потому, что стал попусту паниковать.

Я застегнул пальто, нахмурился и засунул руки в карманы. Там лежали сигареты и какая-то бумажка. Вытащив ее, я сначала подумал, что это та самая записка, которую я в спешке засунул в карман, но оказалось, что это другая. В записке было следующее:

“Если ты ее прочитал сегодня, то значит, что я каким-то чудом оказалась права. Жду тебя в кафе, где мы вчера обедали”.

Я остановился и перечитал записку еще раз семь. Это казалось магией, этого просто не могло быть. То есть, получается, она знала, что я за ней побегу. И знала, куда, потому что кафе находилось в пяти минутах от моста, возле которого я был. Мне ничего не оставалось, как идти туда.

Она сидела за столом, смотрела в окно и тихонько улыбалась, как будто самой себе. Поскольку ходить я тихонько не умел, то налетел на стул, она повернулась в мою сторону и стала улыбаться чуть громче. Мне было не до улыбок, я сел и посмотрел на нее, как мне казалось, удивленным и слегка осуждающим взглядом.

– Ты так смотришь, как будто я только что воскресла, а ты не можешь в это поверить.

– Ну, примерно так и есть. Я почти ничего не понимаю.

– Вообще? Или в что-то конкретно?

– Вообще, я, конечно, не понимаю ничего абсолютно, но тут ты мне вряд ли сможешь помочь. А вот объяснить свои удивительные записки, думаю, вполне.

– Да вот тут как раз не думаю. Точнее, тут нечего объяснять. Я написала первую, подумала, что она тебя, хм, взбодрит и решила написать вторую, на всякий случай. Чтобы нам с тобой не разминуться. А почему у тебя футболка наизнанку надета?

Я совершенно не удивился тому, что она оказалась права.

– Потому что взбодрила будь здоров. Хорошо, что вообще в футболке. С чего ты вообще решила, что я взбодрюсь?

– Ну, ты же у нас, вроде как, начитанный, вот и решила проверить, насколько.

– Но ведь про сон ты не могла ничего знать. Это же просто невозможно.

– Я же не ведьма, чтобы сны тебе показывать. Чего тебе приснилось?

Я рассказал.

– Да уж, как все совпало интересно. Видимо, ты на самом деле довольно начитанный, раз у тебя даже сны построены на аллюзиях к “Падению”.

– Лучше бы был не так начитан и не знал, что такое “Падение” и “Вишневый сад”. А зачем было так делать, чтобы я бегал по мостам и искал, откуда тебя вылавливать?

– Так я же ничего про мост не знала и не говорила, это ты сам уже додумал, просто так обстоятельства сложились. Я

думала, что ты прочитаешь про кофе и начнешь переживать, а если ты начал переживать, то тебе сложно будет усидеть дома, и ты наденешь свое пальто и куда-нибудь пойдешь. Может, искать меня, а может и нет. Я не могла этого знать.

– Ну, да, наверное. То есть, приходиться обратно ты не собиралась?

– Не-а. ты должен был сообразить что к чему. Ты, собственно, и сообразил. Но я рада, что ты немного встряхнулся, а то все утки да утки.

– Да бог с ними, с утками, зачем тебе нужно, чтобы я встряхивался?

– А это ты сам догадывайся. Нельзя же объяснять все на свете. Просто подумай, есть ли тебе ради кого встряхиваться и вылезать из того болота, в котором ты тут застрял.

– Я не застрял ни в каком болоте, меня все в такой жизни...

– А почему тогда ты бегал, как ты говоришь, по всем местам? Зачем тебе меня искать?

– Ну, наверное, потому, что ты важный человек для меня. Или была когда-то, не столь принципиально. И потому, что я просто испугался.

– Просто не пугаются. Пугаются всегда по какой-то причине. Но я рада, что ты испугался, значит не все потеряно еще.

– То есть, у тебя что-то вроде миссии? Вытащить меня из болота? Вернуть к жизни?

– Ну, нет, миссия звучит слишком громко. А теперь, закажи мне кофе и давай поговорим о чем-нибудь другом.

Дальше ее расспрашивать было бесполезно, да и не хотелось особо. Поэтому я просто заказал ей кофе и себе тоже заказал кофе. Чтобы было, что держать в руках.

– Ты сегодня уезжаешь?

– Ага. Через три часа. Послезавтра брат женится, нельзя же пропустить такое событие.

– Ну так это послезавтра. Осталась бы еще на день, мне сейчас почему-то захотелось, чтобы ты осталась.

– Ну ты чего, у меня вообще-то муж есть, который знает, что ты здесь живешь и который по мне скучает больше, чем ты, уж поверь.

– Возможно, поэтому он и твой муж.

– Возможно. И потом, надо платье купить, туфли купить, маникюр сделать, невесту к свадьбе подготовить, чего только не надо сделать. А ты прекрасно проживешь без меня и этот день и следующий и все за ним. Я не являюсь осью, вокруг которой крутится твой мир.

– Он и не крутится. Он статичен.

– Это тебе так кажется. Пока человек не умер, его мир, так или иначе, крутится. Но в любом случае, сейчас твой потихоньку будет крутиться все быстрее. Он просто немножко заржавел, а я его, хм, смазала.

– Прекрасная аллегория.

– Какая есть. А теперь, пожелай мне удачи, а сам иди до-

мой, и подумай, что к чему.

Мне не хотелось становиться уж совсем марионеткой в ее руках, но в итоге я действительно пожелал ей удачи и поплелся домой. А что мне еще было делать?

Вдруг я понимаю, что уже светает, а значит, моя ночь на мосту, за которую так ничего и не случилось, подошла к концу. Солнце искрится на водах реки, которая от этого кажется не такой черной и бежит как будто веселее. Я поворачиваюсь в сторону башни и тут понимаю, что мост поменялся. Больше нет статуй. И фонарей. Только башни с двух сторон и неровные камушки брусчатки под ногами. Сквозь арку башни я вижу толпу, люди выглядят торжественно, словно присутствуют при каком-то историческом событии, которое раскрасит их рутинную и безрадостную жизнь и на несколько недель вперед даст повод для разговоров и обсуждений. К входу в арку быстро, торопливыми детскими шажочками, идет мальчик. Я удивленно смотрю на него, но он, похоже, меня не видит и продолжает идти на мост под возгласы толпы за спиной. Возгласы становятся громче, когда откуда-то выбегает мужчина, догоняет мальчика, очевидно, своего сына, хватает его и прижимает к себе. В этот момент крики людей становятся наиболее громкими, а потом они все как один, внезапно, замолкают. Человек с ребенком на руках поворачивается ко мне спиной и что-то говорит в толпу, кто-то достает большого черного петуха и заставляет его идти через арку, на мост, той же дорогой, которой до этого шел ребенок.

Петуха никто не останавливает, постепенно он ускоряется и уже бежит прямо на меня, а я смотрю на него и не знаю, стоит мне отходить в сторону, или нет. В итоге отхожу на шаг, а он, как оголтелый, пронесется мимо меня и примерно на середине моста исчезает. Человек с ребенком на руках и скопище народу за ними тоже исчезают, так же неожиданно, как и появились. Статуи возвращаются на свои места, а я, оглядываясь по сторонам, быстрым шагом выхожу через арку и ухожу в город, прочь от моста.

Ты смотришь на меня глазами, большими настолько, что кажется, будто в них поместился весь мир, а то и два – по миру в каждом. Я с трудом отвожу взгляд в сторону, выхожу из комнаты, а потом из квартиры, закрываю дверь и останавливаюсь. Так же не правильно, думаю я, нельзя вот так уходить. Мы же должны быть вместе, мы же решили быть вместе, что бы ни происходило. Несколько минут я стою, прислонившись к двери спиной и чувствую, что взгляд твоих глаз проходит сквозь эти несколько металлических сантиметров и чуть ли не выжигает дыру в моем теле. Так совсем не правильно, должно быть совсем иначе. Я не должен уходить без тебя, я должен забрать тебя с собой, куда-то, в неизвестность, не важно, но должен.

Но я не могу забирать тебя в неизвестность. Потому что это неизвестность, и я сам с трудом представляю, как я буду в ней жить. Я не могу забирать тебя с собой только потому,

что мне очень этого хочется или потому, что этого громадно хочется тебе. Я чувствую, что ты больше не смотришь в закрытую дверь, вместе с этим становится легче, и теперь я могу пошевелиться. Я делаю шагок, неуверенно, как будто заново учусь ходить, потом другой, такой же крошечный, и так, потихоньку, спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу. Улица невзрачная, пустая и грязная, как часть того мира, в который я решился выйти, и в котором мне считай, что куда идти. И в который я не могу взять тебя, потому что так будет лучше. В первую очередь для тебя. Так неправильно, я знаю, но так нужно.

Я решил главную проблему последних недель. Придумал, что делать с шурупом в кухонной стене. Придумал я это, как обычно и бывает, случайно. Точнее, даже и не придумывал ничего. Просто ходил по городу и забрел на блошиный рынок, где продается все на свете и, на развале с книгами, увидел небольшую гравюру, изображающую героев “Двенадцатой ночи”. Я смотрел на нее минут десять перед тем, как вспомнил их имена, а после того, как все-таки вспомнил, решил, что эта гравюра была создана специально для моей кухни. И купил ее.

Теперь она висела там, где ей было предназначено висеть. Здорово, что это произведение безымянного автора нашло себя в нашей непростой жизни, думал я, сидя за столом с чашкой чая и рассматривая фигурки Себастиана и Виолы.

Здорово, что в моей повседневной жизни появилось немного Шекспира.

Прошло уже недели две с того момента, как она уехала, предварительно отправив меня домой размышлять. И я размышлял. Все мои размышления главным образом вертелись вокруг нее и все они не привели почти ни к чему. Я понял, что зря оставил ей свой адрес, когда уезжал. Этого делать не стоило. Но тогда я, наверное, не мог поступить иначе. На самом деле, я, хоть и очень хотел, боялся уезжать, и поэтому решил оставить свой адрес людям, которые мне важны. Таких людей был ровно один человек, и теперь я жалел, что их не было еще меньше. Будь их меньше, сейчас я был бы спокойней. А так меня вытащили из уютного теплого кокона, где я готовился, не волнуясь и не думая ни о чем, дожить отведенное мне время. Меня вытащили, и теперь мне было очень неудобно, как будто человеку, вышедшему на солнце после месяца под землей. У меня не болели глаза, нет, у меня болело что-то внутри. Я понял, что я до сих пор могу чувствовать, хотя давно решил, что избавился от этой глупости. Мне казалось, что я выбросил саму способность чувствовать, выбросил вместе с прошлыми событиями, людьми и воспоминаниями.

Но стоило из этого прошлого приехать человеку, которого я когда-то, очень давно, любил, и я понял, что ничего я не выбросил. Просто спрятал подальше. Последние годы я стремился принимать происходящие вещи такими, какие

они есть, не пытаясь что-то изменить, и постепенно приучил себя к этому. Но все это сломалось в тот момент, когда я побежал вытаскивать ее из воды. Даже раньше. Когда подумал, что мне надо вытащить ее из воды. Тогда все то, над чем я настолько кропотливо работал так долго, разрушилось. Как замок из песка.

Хотя, это и был замок из песка.

Я не мог понять, хорошо, что так произошло, или нет. В комедии Шекспира все случайности вели к счастливому концу для всех героев. В своей жизни до недавнего момента я видел только одного героя – себя и полагал, что счастливый конец наступит ровно в тот момент, когда я перестану дышать. Но теперь все поменялось. Я знал, что мне надо сделать, но боялся даже признаться себе в этом. Про какие-то действия я даже и не думал.

И тут в дверь позвонили. Опять. В последнее время в мою дверь звонили больше раз, чем за все время, что я тут живу, подумал я и пошел открывать. На сей раз на пороге стоял мужчина, и первые секунд двадцать я не знал, что мне делать. То ли сказать привет, то ли закрыть дверь обратно. Но он спас меня от необходимости принимать такое сложное решение.

– Где она?

– Уехала. Давно уже, а где сейчас – не знаю. Тебе должно быть виднее, разве нет?

– Было бы мне виднее, я бы сейчас тут не стоял. Важнее

дела есть.

– Были бы дела важнее, ты бы сейчас тут не стоял. Войдешь, или пойдешь обратно?

Он вошел. Я не был уверен, что он сделал правильный выбор, но я сам предоставил ему возможность выбрать.

– Могу предложить тебе чаю. К сожалению, больше ничего предложить не могу, но у тебя же явно есть свои предложения.

– Я пришел узнать, где моя жена.

– Чай-то будешь?

– Нет.

Он сел на мой стул на кухне и посмотрел на гравюру.

– Кто это?

– Себастиан и Виола. Герои “Двенадцатой ночи” Шекспира.

– Это про негра которая?

– Мавра, я бы попросил, но все равно нет. А ты очень удачно женился, не знаю, говорили ли тебе. Да, кстати. Она же уехала уже недели две назад и собиралась ехать к тебе. Почему ты здесь?

– Потому что она не приехала ко мне. Я и подумал, что тут осталась. В твоей каморочке с карандашными рисунками на стенах.

– Это гравюра. Реплика, конечно, но тебе что гравюра, что реплика. Она тут, в моей каморочке, как видишь, не осталась. И, судя по тому, что сейчас в моей каморочке сидишь

ты, в твои хоромы с подлинниками Вермеера и “Герникой” Пикассо она тоже не вернулась.

Он поморщился.

– Что ты умничаешь постоянно, ей богу.

– Так получается. Она говорила, что у нее брат женится.

Ты разве не был на свадьбе?

Он снова посмотрел на гравюру, а потом медленно перевел взгляд на меня.

– Ее брат умер два года назад.

– Что?

– Умер. Два года назад. Машина сбила. Насмерть, сразу. Водитель был пьяный, ну, ты знаешь, как это обычно бывает, я думаю

– Нет, я не знаю, как это обычно бывает, но здорово, что знаешь ты.

Я не очень хотел верить в то, что он мне только что сказал. Мы никогда не были близки с её братом, были знакомы, не более, но, почему-то эта новость меня слегка пошатнула. К смерти я относился вполне спокойно ровно с первого раза, как с ней столкнулся. Как-то сразу понял, что она реальна и случается, и никогда не придавал ей космического значения. Но новость о её брате по какой-то причине погрузила меня в прострацию, и в тоже время довольно сильно удивила. Я уставился на моего собеседника, сидящего напротив меня, и застыл.

Он, по всей видимости, таких сложных чувств не испыты-

вал.

– Он сейчас в лучшем мире, не переживай.

– Так. Давай-ка ты перестанешь говорить ту ересь, которую ты говоришь, либо вставай и уходи отсюда. Вот прямо сейчас. Я тебе даже дверь открою.

Он внимательно посмотрел на меня, потом снова повернулся к гравюре.

– Да что ты все на нее смотришь? Как она некстати тут висит-то, боже.

Почему-то я расчувствовался, испытывая одновременно сильнейшее раздражение к моему незваному гостю. Я чувствовал, что надо взять себя в руки, но также я чувствовал, что мой кокон безразличия и отрешенности развалился окончательно. Если раньше он просто раскололся и упал по сторонам от меня, то теперь он раскрошился на мельчайшие кусочки, которые нельзя было рассмотреть без специальных оптических приборов. Как будто его взяли и перемололи. Как яичную скорлупу.

– Так, подожди, не уходи пока. Твоя жена приехала сюда, не знаю уж, ко мне, или нет. Говорила, что нет, а правда это, или нет – я не знаю. Она приехала, напугала меня так, будто я ребенок и лежу в кровати, а меня кто-то за ногу дергает. А потом сказала, что ей надо уезжать. Потому что ты ее ждешь, и потому что ее брат играет свадьбу. А потом приезжаешь ты и оказывается, что это все неправда. То есть, допускаю, что ты ее ждал. Но все равно. Я не понимаю ничего.

– И я тоже. И, наверное, мне пора уходить. От тебя все равно толку нет, тем более от такого.

Как будто, от тебя есть толк, подумал я. Бывают такие люди, вроде как, хорошие, в которых очень сложно найти какую-то определенную черту, которая тебя отталкивает. Просто в них отталкивает все. В совокупности. Он был именно таким человеком. Он мне не понравился почти сразу, улыбкой, прической, брюками, рукопожатием, не знаю, чем еще. И так получилось, что он каким-то чудом, иначе и не скажешь, женился на женщине, быть мужем которой я бы счел за огромную честь. И поэтому мне приходилось уважать его, хотя на самом деле это было просто уважение ее выбора. Но я предпочитал уважать его на расстоянии, а не через кухонный стол. Это было слишком близко для моего уважения. Оно потихоньку трескалось.

Поэтому я не стал его удерживать.

– Слушай, а как ты тут живешь-то вообще?

Он спросил это, стоя уже практически в дверях. Не знаю уж, зачем, и какой именно смысл он вкладывал в сам вопрос.

– Как видишь. В каморочке с карандашными рисунками на стенах. Ты дал самое точное описание моей жизни. За что я говорю тебе спасибо и даже протянул бы руку, но она у меня вспотела. Зачем тебе испытывать дискомфорт эти доли секунды. Посему – счастливо добраться куда бы ты там ни добирался, и передавай привет жене, когда найдешь. И еще. Попроси ее, чтобы не приезжала больше и не приезжай сам,

не надо это никому.

Он посмотрел на меня, словно на пьяное видение, покачал головой и вышел из квартиры. Потом посмотрел еще раз, и перед тем, как я успел закрыть дверь, чтобы окончательно поверить в его уход, сказал:

– Какой же ты все-таки...

Последнего слова я уже не услышал, но его было легко угадать. Точнее, выбрать из нескольких возможных вариантов, если только он не придумал чего-то совсем неожиданного. В чем я сомневался.

Без него дышать стало свободнее, но в то же время я ощутил какую-то странную пустоту вокруг. Понял, что я один. Раньше я не понимал этого так явно, хоть и был, без всяких сомнений, один, и вряд ли в этом городе можно было найти кого-то одной меня. Раньше я был один потому, что не ощущал, что есть кто-то еще. Потому, что привык к тому, что со мной никого нет, даже если какой-то человек, или несколько человек, в данный момент времени находились, произвольно, по стечению обстоятельств, рядом. Сейчас же было по-другому. Сейчас я всей кожей, до надуманного жжения, знал, что вокруг меня, очень далеко, но есть люди. И все они должны быть гораздо ближе. Настолько, насколько это вообще возможно. Даже мой недавний гость и его жена. Даже те, про кого я не думал уже очень давно.

Я опять сел на свой стул на кухне и стал изучать гравюру, как будто видел ее впервые. Себастиан смотрел на Виолу, а

та – куда-то в сторону, очевидно, высматривала герцога. Я спросил себя, как вышло так, что я купил ее именно сейчас. И почему так вышло. Раньше был просто пустой шуруп, а теперь на нем висит иллюстрация к пьесе, доказывающей чуда и неожиданные благоприятные совпадения.

Но я не живу в комедии Шекспира, сказал я тихо, но отчетливо. И надеюсь, что живу не в трагедии.

Но ведь чудеса происходили. Маленькие, но в моем небольшом и ненасыщенном событиями мире все то, что по динамичности превосходило кормление уток в парке, было своего рода чудом. А как еще можно было назвать мои последние переживания, особенно после долгого времени без переживаний и эмоций в принципе. Только чудом. Чудом перерождения, или, еще лучше, воскресения. Теперь оставалось постараться не потерять это чудо.

В лесу тепло и спокойно. Никого нет, только деревья, поднимающиеся так высоко, что, кажется, будто они заканчиваются на небе и им совсем немного не хватает, чтобы коснуться солнца. Я иду между этими деревьями, уверенно и бесшумно, словно лесной житель, возвращающийся в свою нору. Примерно так оно и есть – я иду к шалашу.

Шалаш мы строили втроем. Нашли два стоящие рядом дерева, между ними, чуть выше роста взрослого человека, закрепили жердь, к ней по обеим сторонам привязали по две наклонные жерди, а уже к ним – поперечные. Сверху положили еловые ветки, а поверх них натянули тент. Строить его

было интересно и совсем недолго, а приходиться в него потом нам очень нравилось. Сейчас я шел один, с рюкзаком за спиной, где лежал запас непортящихся продуктов на несколько дней, спички, фонарь, нож, компас, веревка и аптечка. Самое необходимое. Собирали мы его тоже все вместе, точнее, все вместе собирали три рюкзака, чтобы у каждого был свой.

Я иду по лесу к шалашу собираясь провести там пару дней, пока дома не утихнет. Раньше я никогда так не делал, но раньше и не бушевало с такой силой. Но сейчас бушевало так, что взять рюкзак и уйти было лучшим решением.

Внутри шалаша лежат три подстилки из стянутых веревкой веток и положенного на них сверху лапника. Я сажусь на одну из них и понимаю, что мне хочется есть. Когда-то мы принесли сюда старый котелок, и сейчас я нахожу его под кучей листьев, иду за водой к ручью, который течет в пятистах метрах от нашего шалаша, развожу костер на полянке перед ним, и открываю рюкзак.

Через час я, поевший, сижу на бревне перед шалашом и пью чай из пластиковой кружки. И постепенно забываю про все бури.

Каждый день за последний месяц, ровно с момента беготни по мостам, я просыпался и понимал, что мне снилась она. Ко мне снова вернулись сны, и я не был уверен, что этот факт меня радует. Скорее как раз наоборот, потому что я просыпался и ощущал такую тоску, что хотел заснуть обратно и

больше никогда не просыпаться. Этого можно было добиться только искусственно, а меня всегда пугали мысли о самоубийстве. Пугали и одновременно приводили в какое-то не совсем адекватное возбуждение, но когда я всерьез начинал размышлять о возможности самому закончить свою жизнь, я трусил. Жизнь всегда оставляет надежду на что-то лучшее, а смерть не оставляет никакой надежды. Даже если допускать вероятность того, что после смерти есть какая-то другая форма жизни.

По пробуждении я не очень хорошо помнил, что именно мне снилось. Такие четкие и поражающие сны, как в тот раз, за жизнь случаются всего несколько раз, но тоска была настолько ощутимой, что, казалось, ее можно нащупать, если положить руку на живот. Что я и пытался сделать каждое утро и что у меня никогда сделать не получалось. Тоска жила вместе со мной. Вместе с ней я вставал и шел чистить зубы перед зеркалом, вместе с ней я сидел на кухне и пил из одной чашки чай, добавляя туда три кубика сахара. Мне отчего-то казалось, что так тоска станет менее горькой. Вместе с ней я не знал, чем занять свои дни в ожидании того момента, когда я, опять же вместе с ней, лягу под одеяло и буду стараться заснуть. Засыпал я только под утро, когда на улице уже рассветало, и когда улица уже всюю бежала по своим делам. Засыпал, и мне снился какой-нибудь наполненный образами сон, от которого учащалось сердцебиение, а одеяло сбивалось к ногам. Я почти перестал выходить из дома,

даже не ходил кормить уток, выходил только раз в три дня – за продуктами. Просто сидел и смотрел в стену на протяжении шести часов, потом вставал, открывал холодильник, брал оттуда открытую банку консервов и отправлял пару ложек внутрь себя. Потом садился обратно и пытался понять, откуда появилась такая сильная тоска.

Ничего подобного в этом городе со мной еще не случилось. Я приехал сюда вместе с коконом, и с тех пор заводился в него все сильнее и сильнее, не прилагая никаких усилий к высвобождению. Скорее всего, дело было как раз в том, что коконом я обзавелся именно для того, чтобы не испытывать никакой тоски. Чтобы не испытывать вообще никаких чувств. И за годы я этому прекрасно научился. Научился оберегать себя от всего, что грозило самыми наименьшими переживаниями. Научился не заводить мало-мальски близких связей и научился считать, что это – единственный верный способ жить спокойно. Теперь все разрушилось, вся эта надуманная защита от внешнего мира. Я чувствовал себя настолько беззащитным и настолько неуверенным, как будто мне снова было двенадцать лет и я снова, со слезами обиды на глазах, дрался со своим другом, казавшимся самым лучшим, попутно узнавая, что люди практически всегда не такие хорошие, как видится поначалу.

С ней мы познакомились когда мне было двадцать с чем-то лет. Я пришел на какую-то вечеринку, где знал одного человека из десяти и увидел там девушку, которая поразила

меня ровно в тот самый момент, когда я ее увидел. В ней самой, в ее улыбке, длинных волосах и в ее родинках было что-то такое, благодаря чему она моментально заняла в моем организме место, будто всегда предназначавшееся специально для нее. Мне сразу же захотелось ее поцеловать, но сделать это я смог только через семь или десять встреч и с немалой помощью вина. После чего достаточно долго рефлексировал, стоило ли мне это делать, потом решил, что, несомненно, стоило, и целовал ее еще какое-то количество времени, а потом обручил нас властью данной мне моим сознанием или воображением. Что, весьма предсказуемо, ее напугало, и мы не виделись почти до самого моего отъезда сюда, около четырех лет. За это время у меня были какие-то еще временные подруги, в одну из них я почти влюбился, но ничего хорошего в итоге не получилось. Ровно так же как и плохого.

Когда мы с ней увиделись снова после долгого промежутка, я сразу же забыл, что этот промежуток вообще был. Мне казалось, что последний раз мы виделись вчера, и я пел вслух разные мелодичные, и чуть-чуть жалостливые, песни, а она улыбалась и начинала меня целовать в те моменты, когда я забывал слова. Но на самом деле прошло четыре года, и поменялись примерно все вещи, кроме той самой части моего организма. Тем не менее, мы снова начали видеться через два-три дня, и я настолько сильно боялся, что мы снова перестанем, что в итоге так и случилось. С тех пор я стал наращивать свой кокон, в чем до недавнего момента преуспевал.

Но, несмотря на это, я оставил ей свой адрес перед тем, как уехать. На всякий случай. Наверное, думал, что она придет, в самом худшем случае, через полгода после моего новоселья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.